

УДК 821.161.1

ЯЗЫКОВОЙ КОД КАК ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВООБРАЖАЕМОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Д. РУБИНОЙ

© Диана Зиятдинова

LANGUAGE CODE AS A FORM OF LITERARY REPRESENTATIONS OF THE NATIONAL IMAGINARY MODEL IN THE WORKS OF D. RUBINA

Diana Ziyatdinova

The article deals with the features of the language functioning in modern Russian literature based on the novel by Dina Rubina. The language code in Dina Rubina's prose is multifunctional by nature and serves several purposes: it is a means of creating a comic effect, it conveys a local flavor in many travelogues of the author, and it is involved in the process of constructing a model of national imagery, solving the problems of hybrid identity. The significance of the latter for modern Israel is explained by the fact that the Israeli society is characterized by exceptional cultural and linguistic heterogeneity, formed by aggregating multiple multi-temporal aliyah and various diasporas, which resulted in the need to find integrative ideas that could unite the numerous "subculture".

The writer states a dominant and universal character of Jewish identity and the recessive nature of its external cultural component, acquired in the course of life outside of Israel, and refers to the category of variability and global compassion, describing "their" world and causing the deconstruction of the Eternal Jew mythologeme. The actualization of the cultural stereotype of the Jewish genius allows her to emphasize the uniqueness and specialness of the Jewish model of national identity, which makes it possible to synthesize various cultural traditions without losing one's own identity.

Keywords: Dina Rubina, model of the national imaginary, language code, post-colonial discourse, imagologies models, ethnic stereotype.

В статье рассматривается специфика функционирования языкового кода в современной русской литературе на примере творчества Дины Рубиной. Языковой код в прозе писательницы отличается полифункциональным характером и служит решению ряда задач: он не только выступает средством создания комического и передает местный колорит в многочисленных травелогах автора, но и принимает участие в процессах конструирования модели национального воображаемого и решения проблемы гибридной идентичности. Актуальность последней для современного Израиля обуславливается тем, что характеризующееся исключительной культурной и языковой гетерогенностью, израильское общество было образовано путем консолидации множества разновременных алий и разноместных диаспор, что обусловило необходимость поиска интегративной идеи, способной сплотить многочисленные «субкультуры».

Утверждая доминантный и универсальный характер еврейской идентичности и рецессивный характер инокультурной составляющей, приобретенной за время жизни вне Израиля, писательница обращается к категориям протейности и всемирной отзывчивости, характеризующих «свой» мир и обуславливающих деконструкцию мифологемы Вечного Жида. Активизация культурного стереотипа еврейского гения позволяет подчеркнуть уникальность и особость модели еврейской национальной идентичности, позволяющей синтезировать многочисленные культурные традиции без утраты собственной самобытности.

Ключевые слова: Дина Рубина, модель национального воображаемого, языковой код, постколониальный дискурс, имагологические модели, этностереотипы.

Актуализация и реализация языкового кода в рамках постколониального дискурса¹ связывает-

са отмечается М. В. Тлостановой, включающей еврейскую идентичность в один ряд с афроамериканской, индейской и азиатско-американской, в равной мере связанных с «проблемами инаковости,

¹ Продуктивность исследования еврейской национальной модели в рамках постколониального дискур-

„другого“, культурной мимикрии и ассимиляции, изгнания, символической „бездомности“, отчуждения, двойственного, „расщепленного“ сознания» [Глостанова, 2000, с. 6].

Возможность рассмотрения еврейской национальной модели в рамках постколониального дискурса во многом обуславливается характером отношения национальной хозяйки страны к еврейской диаспоре. В условиях галута для еврейского внутреннего Иного существовали две основные модели поведения: уход в гетто и сохранение изначальной национальной, религиозной, языковой и культурной идентичности или же утрата их через ассимиляцию, требовавшую полного соответствия доминировавшей нациокультурной модели: «Ведь от них требовался по существу полный отказ от этно-национальных, религиозных, языковых форм собственной субъектности, которые оценивались доминирующей культурой как отсталые, как „пережитки прошлого“ и т. д. На деле это часто приводило к расколотости, амбивалентности общественной и личностной идентификации...» [Глостанова, 2004, с. 132]. Возникновение государства Израиль и легитимизация мультикультурной парадигмы обусловили проблематизацию сложившейся ситуации.

Население Израиля характеризуется гетерогенностью и культурной мозаичностью, вызванной «диаспорическим» генезисом израильтян как нации. Необходимость интеграции в единое целое и несостоятельность сионистской «концепции „отрицания диаспоры“», представлявшей «двухтысячелетнюю жизнь в странах рассеяния как цепь непрекращающихся страданий» [Эпштейн] и требовавшей элиминации субэтнической идентичности, обусловили поиски новой национальной идеи, способной объединить еврейское этническое «множество» без утраты субэтнических языковых и культурных маркеров.

Одной из форм интеграции субэтнической и израильской идентичности как рецессивной и доминантной составляющих, легитимизации паритетности всех израильских субэтносов и педалирования уникальности еврейской нации становится обращение к постколониальному дискурсу как к призме восприятия галутного прошлого: «– Кровь?! <...> Недалеко бы мы ушли, выживая свою дутую чистокровность сквозь сито всех гетто, погромов, крестовых походов и костров инквизиции. Нет, парень: *кровь сознания* (здесь и далее курсив автора – Д. З.) – вот что имеет значение. Вот что нам удалось сохранить и взрастить в поколениях. Такой сорт мужества: помнить, не расслабляясь и не размякая на *душевный отклик чужого*, ибо он тоже – вздор и дым; он тоже – до первой увертюры партайгеноссе Вагнера... <...> Удел чистокровности! <...> Для нас – это слишком примитивно. <...> Это для баварского крестьянина с перышком на шляпе. Нет: бесстрашие – *принять* долю, и больше того – *приговорить* себя к этой доле. Бесстрашие перед своим одиночеством, *высокомерие одиночества* – *сквозь тысячелетия улюлюканья, насилия и подлой лжи...* <...> Вот это – наш удел» [Рубина, РК: Г, с. 237–238].

ся, как правило, с антиномией власти / подчинения и сводится к дифференциации языка колонии и языка колонизатора, присваивая который бывший этнокультурный «аутсайдер» овладевает «иной» идентичностью, приобретает и закрепляет тем самым собственную гибридную идентичность, основанную на синтезе доминирующей и рецессивной культурных моделей. Процесс присвоения языка колонизатора имплицитно становится актом ментального овладения его идентичностью и превращения ее в объект манипуляции².

Как правило, язык нации колонизатора носит единичный характер и предполагает актуализацию биполярной модели. Однако некоторые нации, взаимодействовавшие с целым комплексом языков колонизаторов, формировали мультиполярную модель. Наиболее показательным примером подобной поливалентной «колонии» служит еврейская диаспора периода галута. Как отмечает Бенджамин Харшав в своем исследовании «Язык в революционное время», еврейская диаспора отличалась мультилингвальным характером: «в нем (в еврейском мультилингвизме – Д. З.) соединились языки самих евреев (идиш, иврит, арамейский) с местными диалектами <...> и с языком <...> власти <...>. Вдобавок ко всему они переходили с языка страны, где жили раньше, на язык новой страны, куда они добрались в своих скитаниях. Так, ашкеназский еврей Элия Бахур <...> опубликовал четырехязычный словарь: немецко-латинско-итальянско-ивритский, в котором отразились его корни и две родины. <...> На каждой новой в языковом отношении территории второе поколение усваивало новый нееврейский язык, но сохраняло следы прежнего языка. <...> Этот мультилингвизм был не случайным, а сущностным, и он сделал возможным нормальное функционирование евреев в ситуации раздвоенного бытия» [Харшав].

Вместе с тем необходимо отметить, что актуализация постколониального дискурса может носить декларативно-формальный характер. Наиболее репрезентативна в данном отношении проза Д. Рубиной. Несмотря на то, что писательница активно обращается к категориям вины и памяти, фундаментальным для постколониальной парадигмы, эсплицитно или имплицитно реализуя их в отношении европейского Иного, ее интерес ограничивается преимущественно аксиологической рефлексией, в малой степени затрагивая рефлексии идентификационную.

² Наиболее показательными в данном отношении выступают образы Леона Этингера («Русская канарейка») и Захара Кордовина («Белая голубка Кордовы»), реализующих игровую модель поведения, во многом основанную на протейности их идентичности.

Языки галута носили как автономный (мультилингвизм), так и гибридный характер, предполагавший синтез языка колонии и языка колонизатора. Примерами последнего стали идиш³ и ладино, разговорные языки двух основных ветвей еврейской диаспоры: ашкеназской и сефардской⁴. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на ярко выраженный в еврейском повседневном и культурном автодискурсе мультилингвизм, характер репрезентации образа еврея в гетеродискурсе не предполагал отражения сложности и контаминативности языкового кода еврейской диаспоры, получившего отражение лишь в собственно еврейской (израильской) литературе. Примером этого может служить проза русскоязычной израильской писательницы Д. Рубиной.

Языковой код в творчестве Д. Рубиной характеризуется вариативностью⁵ и полифункциональностью.

³ «Подобно любым иммигрантам, евреи заимствовали язык народа-хозяина. <...> Еврейско-немецкий язык (Judish-Deutsch) бытовал на границах немецкого и только в XVIII в. получил название идиш (Judish). Идиш имеет германскую основу: большая часть его лексики немецкого происхождения, хотя во многих случаях в семантике якобы немецких слов прослеживается ивритский или славянский подтекст. На идише можно составлять правильные предложения, используя исключительно немецкий компонент. Второстепенными, но стилистически решающими партнерами являются славянские языки (чешский, польский, русский), „святой язык“ (иврит и арамейский) и обширный слой интернациональной лексики» [Харшав].

⁴ А. Л. Полян говорит о большем количестве еврейских вернакуляров (местный диалект, предназначенный для устной повседневной коммуникации): «В течение нескольких веков на новых местах проживания евреи сформировали особые языки на основе языков местного населения: идиш в Центральной Европе, джудезмо (ладино) в Испании, еврейско-итальянский, еврейско-провансальский, еврейско-французский, еврейско-греческий, еврейско-арабский, еврейско-персидский и так далее» [Полян, с. 66–67].

⁵ Языковой код может реализовываться путем транслитерации («*Экскюзэ-муа, месье, пурье-ву бесэ сет мюзик дё мерд?...*» (франц.) [Рубина, 2012, с. 39]; «*Бокер тов! <...> Левакеш доктор Горелик, бвакаша...*» (иврит) [Рубина, СП, 2011, с. 39] и др.), визуализируясь курсивом и сопровождаясь сноской с переводом; прямым заимствованием без перевода («*Marschieren und Prabieren*» [Рубина, 2012, с. 106]); грамматическим строем речи (как правило, в отношении местечкового диалекта: «*– Фаня, учтите, я должна вам полтора доллара! – Ай, бросьте сказать!*» [Там же, 2012, с. 410]; «*Видишь – идут и говорят два идн, иди следом, и слушай, и запоминай каких-нибудь слов!*» [Рубина, ЯСШ, 2011, с. 148]; «*Он уважительный, любящий сын!*» [Рубина, БГК, 2011, с. 94]); обращением к языку в целом.

Во-первых, он выполняет традиционные для художественной литературы функции: служит «приёмом создания реалий местного колорита», «полинационального контекста» путем «использования заимствований и иностранных слов» [Ларионова, с. 9] («*Вот идет Мессия!*», «*Последний кабан из лесов Понтаведра*», «*Почерк Леонардо*», «*Белая голубка Кордовы*», «*Синдром Петрушки*» и др.) и создает комический эффект в произведениях писательницы. Вместе с тем языковой код становится дополнительной формой реализации модели национального воображаемого, структурируя национальную концептосферу Европы, реализуя механизмы присвоения / отчуждения и формируя модель национальной идентичности путем достраивания образа еврейского гения [Зиятдинова].

Реализация комической функции языкового кода характерна как в отношении ранних израильских рассказов:

Хозяин дома небрежно так пожал плечами, закуривая. – А, – говорит, – да. Тамхуй. Черт меня потянул за язык. – Что, – спрашиваю сочувственно, – плохо кормят? – Да нет, почему – плохо? Кормят хорошо. Только это не выход из положения. Тогда я и сообразила, что слово «тамхуй», собственно, и означает – «благотворительная столовая» [Рубина, ЯНЛМ, 2011, с. 251]),

так и в отношении европейских травелогов:

В английском, например, путаю «джус» (сок) и «джуиш» (еврей) и, бывает, вгоняю в ступор подошедшую официантку, вежливо требуя вместо апельсинового сока принести апельсинового еврея. В немецком того хуже: путаю слова «гляйс» (платформа) и «ляйхе» (труп), в связи с чем несколько раз приставала к полицейским на вокзалах с просьбой помочь мне найти второй (или третий, или девятый) труп [Рубина, Я-О, 2011, с. 232]),

выступая результатом языковой дистанцированности автора как от иврита, так и от европейских языков. Попытка же преодолеть «немоту» неизбежно создает комический эффект:

Часов до трех мы терпели этот праздник жизни, в четыре Боря вскочил, закипая и клубясь парами, сказал, что сейчас положит конец этому безобразию, сейчас он скажет хозяину... Да что ты скажешь! На каком языке? – На итальянском, черт побери, на итальянском! <...> И я услышала, как выскочив в холл, мой муж закричал фальцетом, мешая русский, итальянский и идиш: – Это безобразие! Ди гонце нахт их бин нервосо!! [Рубина, ИБН, 2011, с. 317].

Создание комического эффекта посредством языкового кода достигается также благодаря об-

ращению к местечковым диалектам: «– Бабуся, а, к примеру, морковочка ваша почему?.. Та ты шо, бабка, а так, щоб взять?» [Рубина, РК: Ж, 2014, с. 344]; «– Мадам Этингер, вы шо – сказилися? Вы всех белых ведмедей положили там на кормить?» [Там же, с. 346]; «– Шо? Доць? – Та не, грязь есть, но лично не идет»... [Там же, с. 367].

Структурирующая функция языкового кода реализуется посредством дифференциации различных ипостасей европейского Иного и вычленением моделей Чужого и Другого. Наиболее репрезентативным примером этого является модель германского Иного. Декларативная эстетизация⁶ немецкого языка («...говорил что-то мягким голосом, с этими, дивно скользкими „ихь“ и „дихь“ на лисьих хвостах гибких рокочущих фраз...» [Рубина, К, 2011, с. 527]; «мягкий, полноразличный, рокочущий немецкий – то острокопечный и шпильевый, то оплетающий язык серпантинном, то убегающий в перспективу, то закругленный и вьющийся, как локон, – целый рой порхающих бабочек в гортани! – великолепно оркестрованный язык...» [Там же, с. 519]) оборачивается его отчуждением: «все три артиста <...>, стали увеличивать звук и ожесточать интонацию, и вскоре уже отрывисто орали вразнобой, все громче и громче. Глубокий грассирующий голос пожилого артиста, чистый и звонкий молодого, сливаясь в fortissimo с подвизгивающими вскриками голоса женского, взмыли в оглушительный лай...» [Там же, с. 533]; «...те взрывали с новой силой, выхаркивая два-три слова на каком-то яростном, неистовом подъеме...» [Там же, с. 525].

В романах писательницы на первый план выходит вариант художественной репрезентации языкового кода, предполагающий его соотнесенность с проблемой гибридной идентичности и

⁶ Необходимо отметить, что, в целом, эстетизация «других» языков не характерна для Д. Рубиной (исключением выступает итальянский, однако констатация музыкальности данного языка является скорее фактом, нежели авторским вымыслом). Свидетельством этого может служить описание нидерландского языка, родственного немецкому (оба относятся к группе германских языков (подгруппа западногерманских языков) индоевропейской языковой семьи): «стихия чужого языка: отрывистые, рубленные звуки – хруст корабельных мачт, стук топоров, харканье усталых плотников, пересыпанные воздушным, вполне цензурным здесь выдохом: „hui“» [Рубина, ШС, 2011, с. 701]; «...он пылко, душевно и очень быстро говорил что-то тетке внутри на скрипучем и харкающем, вероятно, голландском языке...» [Рубина, ЕН, 2011, с. 499]; «...пыхающие и харкающие звуки» [Рубина, ШС, 2011, с. 702].

процессом деконструкции мифологемы Вечного Жида, а также обуславливающий актуализацию мифологем крови / родовой памяти и механизма присвоения⁷, когда овладение языком предстает как особая стратегия «освобождения себя» (С. Рушди) [Глостанова, 2004, с. 114] путем «эффективного разрушения и подчинения доминирующей культуры» [Там же, с. 126]. Наиболее показательными в данном отношении становятся романы «Белая голубка Кордовы»:

Захар / испанский язык:

Обычно в первые дни в Испании он цеплялся чуть не к каждому встречному с разговорами, с наслаждением прокатывая по небу звуки испанской речи, выживая из случайных перепадок незнакомые региональные словечки, приставая за разъяснениями, ревниво прислушиваясь к самому себе: не убыло ли? нет ли протечки в драгоценном сосуде? крепнет ли, настаивается ли со временем терпкое вино? [Рубина, БГК, 2011, с. 114–115],

«Русская канарейка»:

Иммануэль / русский: Когда они оставались вдвоем, Иммануэль переходил на русский. Великая штука – родной язык, говорил он, черт бы его побрал! Родной язык... его хочется держать во рту и посасывать слоги, как дегустатор слагает подробности аромата винного букета, лаская его послевкусие. Хочется ворочать камешки согласных между щек, а гласные глотать по капле, и чтобы смысл иных слов уходил глубоко в землю, как весенние ливни в горах... Он по-прежнему много читал по-русски, поэтому сохранил язык, хотя говорил с небольшим акцентом, но говорил ярко, запальчиво, иногда неуместно-цветисто, немного книжно... [Рубина, РК: Г, 2014, с. 43],

Натан / немецкий: ...и Калдман не без удовольствия перешел на немецкий, домашний свой, родной – от матери и бабки – язык. <...> Его безукоризненное произношение ласкало слух: „s“, звучащее как „з“ в нормативном немецком, он произносил, как летящее „эс“, подобно венским снобам, неуловимо растягивая следующую гласную: „саа-ген“ вместо канонического „заген“ [Там же, с. 17],

Леон / арабский языки: ...самыми поразительными были у него успехи в арабском – в языке, не очень, мягко говоря, любимом учениками. <...> Леон <...> в арабский просто влюбился: готовя устный ответ по теме, выпевал фразы, очень точно интонируя в каж-

⁷ Механизм присвоения Иного реализуется вариативно в зависимости от наличия / отсутствия комплекса вины, характеризующего Иного. В результате этого арабский и немецкий Иные, сохраняя свою чуждость, трансформируются в оксюморонную модель Своего Чужого, тогда как Испания становится Своим Другим.

дом слове; ведя рассказ, использовал по два-три прилагательных к каждому существительному <...>. В арабском он парил, упивался, молился, цитировал суры Корана... [Рубина, РК: Г, 2014, с. 149]).

Мифологема Вечного Жида, долгое время выступавшая доминирующим репрезентативным образом еврейского народа, характеризовала евреев как нацию, чужую любому месту и чуждую любому окружению. Д. Рубина подвергает последовательной деконструкции оба этих этностереотипа: переосмысление мифологема бездомья достигается благодаря символическому присвоению «чужого» пространства путем проекции символического образа дома Израиля на мир в целом, деконструкция же этнико-социальной маргинальности оборачивается реваншизмом, связанным с утверждением гипердаптивности и протейности как основных этномаркеров еврейского народа.

Гипердаптивность, проявляющаяся в присвоении не только «иног» языка, но и «иной» идентичности, становится особой формой ассимиляции⁸, предполагающей сохранение изначальной культурной и национальной идентичности, и реализуется как на авторском⁹, так и на персонажно-образном уровнях:

⁸ Писательница демонстрирует несостоятельность классической ассимилятивной стратегии выживания, утверждая необходимость противостояния обаянию Иного на примере истории Натана Калдмана [Рубина, РК: Г, 2014, с. 74–78].

⁹ Авторский уровень предполагает преимущественно комический вариант «полиглотства»: «степень моей музыкальности и умение внедряться в новую среду <...> таковы, что я немедленно начинаю отлично говорить на языке той страны, где оказываюсь. <...> я, конечно, не имею в виду действительное знание языков <...> Я имею в виду интонационный рисунок, артикуляцию <...> присущие речи коренного населения. <...> Я утверждаю, что способна вести беседу на любом языке; но для этого мне необходимо оказаться в той местности, которая данный язык породила. Возьмем нынешний приезд в Голландию. Мы <...> решаем, что неплохо бы перекусить <...> какой-нибудь рыбой... Заходим в ближайшее кафе и, родственно улыбаясь официанту, я произношу что-нибудь вроде: „ду-ю-грахтн-ин ме-ню-у-э-фишн-блю-удн?“ <...> Тут главное улыбаться и совершать полузаметные жесты, как бы рисующие в воздухе рыбку. Официант слышит во фразе международное слово „фиш“, ухо его цепляет знакомые слоги, жесты накладываются на звуки голоса... мгновение! – и смысл всей фразы вспыхивает в его мозгу безотносительно к смыслу каждого слова» [Рубина, ШС, 2011, с. 686]; «помню – первое утро в Иерусалиме <...> Звонок в дверь. Он <электрик> стоит в дверях и пытается что-то объяснить мне. <...> Наконец я вспоминаю единственную

Для каждого языка у него существовало гармоническое соответствие, и чтобы перейти с языка на язык, нужно было прислушаться... приклонить свое ухо, как говорят мудрецы восточных сказок, к глубинной сути самого себя; перейти в другую тональность. Стать *иным* (курсив автора – Д. З.) совершенно [Рубина, РК: Г, 2014, с. 150].

Результатом подобной транспозиции становится абсолютное слияние с Иным. Наиболее показательным примером подобной абсолютной этномимикрии может выступать Захар Кордовин [Рубина, БГК, 2011, с. 146, 496, 527].

Мультилингвизм становится одним из маркеров образа еврейского гения¹⁰, характеризуя образы главных героев «Белой голубки Кордовы» и «Русской канарейки». Кумулятивным выражением этого служит апостольский полилингвизм Нюты, главной героини «Почерка Леонардо»:

<...> много раз я наблюдал, как она принималась говорить на разных иностранных наречиях: с медленным разгоном, сперва нащупывая кончиком языка звуки, катая по нёбу незнакомые сочленения слогов... отдельные слова... потом склеивая их во фразы... а минут через десять уже болтая с кем-нибудь на совсем новом для нее языке. <...> В Париже, в галерее

фразу, выуженную моей безалаберной памятью из трех уроков иврита, на которые мне удалось попасть в Москве. – Я не говорю на иврите, – произношу я, по-прежнему přátельски ему улыбаясь. Он молча смотрит на меня несколько мгновений и наконец мрачно произносит: – Ты ДА говоришь на иврите, сукина дочь!» [Там же, с. 687].

¹⁰ Герои Д. Рубиной, как правило, мультилингвы. Подтверждением тому служат образы Христианского в повести «Во вратах твоих»: «Так что, с восьми Яша сидел уже за компьютером IBM и, правя ивритский текст газеты «Привет, суббота!», на русском в это же время разговаривал с каким-нибудь заказчиком, переминающимся рядом. Время от времени он поднимал телефонную трубку и отвечал что-то на английском. Это впечатляло. Впрочем, в Израиле каждый второй знает три, а то и больше языков. Но Христианский и иврит, и английский знал блестяще. Он и русский знал. Вообще, он был гением» [Рубина, ВВТ, 2011, с. 302]; Йоси в рассказе «Еврейская невеста»: «человек, свободно владеющий восемью языками» [Рубина, ЕН, 2011, с. 491]; героиня повести «Высокая вода венецианцев»: «Еще в самолете, полистав <...> учебник итальянского, она обнаружила, что помнит почти все. <...> Дедово наследство <...>. В поезде она даже заговорила с пожилым учителем физики из Милана и, к удивлению своему, выяснила, что вполне прилично объясняется, а понимает почти все. Но тут сказывались и семь лет музыкальной школы с итальянскими терминами в нотах, и ее отличный английский, и сносный французский» [Рубина, ВВВ, 2011, с. 406] и др.

Оранжеви <...> застал (Нюту – Д. З.) чинно бесе-
дующей с пожилой японской парой... на японском!»
[Рубина, 2012, с. 297];

Как обычно, из оживленной их перепалки на испанском она вскоре стала вылавливать смысл отдельных слов, а минут через пять уже понимала довольно многое. <...> Вглядывалась в движения губ, мысленно приближая бурлящую субстанцию, как бы наводя резкость. И точно как в бинокле, поток слов прояснялся до узнаваемых очертаний, пока не проступала ясно вся фигура языка [Там же, с. 323].

Специфика реализации языкового кода в творчестве Д. Рубиной обуславливается интенцией постколониального дискурса, предполагающего рецепцию окружающего мира сквозь призму антиномии власть – подчинение. Замена же постколониальной рефлексии постколониальной аксиологией и возникающая в результате этого «рокировка силы» позволяют писательнице сформировать собственную модель национальной гибридной идентичности, ключевыми составляющими которой становятся концепция «всемирной отзывчивости», сменяющая мифологему Вечного Жида, и культурный стереотип еврейского гения.

Список сокращений:

РК: Ж – Русская канарейка. Желтухин
РК: Г – Русская канарейка. Голос
ЯНЛМ – Я не любовник макарон, или Кое-что из иврита
ЯСШ – Яблоки из сада Шлицбутера
БГК – Белая голубка Кордовы
Я-О – Я – офеня»ИБН – ...Их бин нервосо!
К – Коксинель
ШС – Школа света
ЕН – Еврейская невеста
СП – Синдром Петрушки
БГК – Белая голубка Кордовы
ВВТ – Во воротах твоих
ВВВ – Высокая вода венецианцев

Список литературы

Зиятдинова Д. Д. «Иаковский код» как способ репрезентации культурной модели еврейской национальной идентичности в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 178–186.

Ларионова Е. Заимствования как фундаментальный языковой приём в прозе Рубиной. Роман *Вот идёт Мессия!*..., 2012. URL: <http://sibasese.unisalento.it/index.php/linguelinguaggi/article/viewFile/12640/11251> (дата обращения: 24.05.2016).

Полян А. Л. Поэтический текст на «спящем» языке в условиях многоязычия (на материале поэзии на иврите III–XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук: Моск-

ва, 2015. 235 с. URL: http://iling-ran.ru/theses/polyan_full.pdf (дата обращения: 24.05.2016).

Рубина Д. «...Их бин нервосо!» // Рубина Д. Полн. собр. рассказов в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 312–321.

Рубина Д. «Еврейская невеста» // Рубина Д. Полн. собр. рассказов в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 486–506.

Рубина Д. «Я – офеня» // Рубина Д. Полн. собр. рассказов в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 227–237.

Рубина Д. «Я не любовник макарон», или Кое-что из иврита // Рубина Д. Полн. собр. рассказов в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 248–254.

Рубина Д. Белая голубка Кордовы. М.: Эксмо, 2011. 544 с.

Рубина Д. Во воротах твоих // Рубина Д. Полн. собр. повестей в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 271–331.

Рубина Д. Высокая вода венецианцев // Рубина Д. Полн. собр. повестей в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 400 – 444.

Рубина Д. Коксинель // Рубина Д. Полн. собр. рассказов в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 518–539.

Рубина Д. Почерк Леонардо. М.: Эксмо, 2012. 464 с.

Рубина Д. Русская канарейка. Голос. М.: Эксмо, 2014. 512 с.

Рубина Д. Русская канарейка. Желтухин. М.: Эксмо, 2014. 480 с.

Рубина Д. Школа света // Рубина Д. Полн. собр. повестей в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 685–709.

Рубина Д. Яблоки из сада Шлицбутера // Рубина Д. Полн. собр. рассказов в одном томе. М.: Эксмо, 2011. С. 138–160.

Глостанова М. В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать никогда. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.

Глостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 400 с.

Харшав Б. Язык в революционное время, 2008. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=157233&page=77> (дата обращения: 24.05.2016).

Эпштейн А. Д. Между стенами: попытка коллективного портрета израильской нации // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ep9.html> (дата обращения: 24.05.2016).

References

Epstein, A. D. (2009). *Mezhdru stenami: popytka kollektivnogo portreta izrail'skoj nacji* [Between the Walls: An Attempt at a Collective Portrait of the Israeli Nation]. *Neprikosnovennyj zapas*, No. 4(66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ep9.html> (accessed: 24.05.2016). (In Russian)

Harshav, B. (2008). *Iazyk v revoliutsionnoe vremia* [Language in the Time of Revolution]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=157233&page=77> (accessed: 24.05.2016). (In Russian)

Larionova, E. (2012). *Zaimstvovaniia kak fundamental'nyi iazykovoï priem v proze Rubinoi. Roman «Vot idet Messiia!»*. [Language Borrowings as a Fundamental Linguistic Device in the Prose of Rubina. The Novel "Here Comes the Messiah!"]. URL: <http://siba-ese.unisalento.it/index.php/linguellinguaggi/article/viewFile/12640/11251> (accessed: 24.05.2016). (In Russian)

Polian, A. L. (2015). *Poeticheskii tekst na «spiashchem» iazyke v usloviakh mnogoiazychiia (na materiale poezii na ivrite III-XIX vv.): dis. ... kand. filol. nauk* [Poetic Text in the "Sleeping" Language in a Multilingual Environment (based on the poetry in Hebrew in the 3rd – 19th centuries): Ph.D. Thesis]. Moscow, 235 p. URL: http://iling-ran.ru/theses/polyan_full.pdf (accessed: 24.05.2016). (In Russian)

Rubina, D. (2011). «...*Ih bin nervoso!*» [“I am Nervous!”]. Rubina D. Poln. sobr. rasskazov v odnom tome. Pp. 312–321. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). «*Evrejskaja nevesta*» [The Jewish Bride]. Rubina D. Poln. sobr. rasskazov v odnom tome. Pp. 486–506. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). «*Ja – ofenia*» [“I’m a Pedlar”]. Rubina D. Poln. sobr. rasskazov v odnom tome. Pp. 227–237. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). «*Ja ne ljubovnik makaron*», ili *Koe-cto iz ivrita* [“I’m Not a Lover of Pasta”, or Something from Hebrew]. Rubina D. Poln. sobr. rasskazov v odnom tome. Pp. 248–254. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). *Belaia golubka Kordovy* [The White Pigeon of Cordova]. 544 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). *Iabloki iz sada Shlicbutera* [Apples from the Garden of Shlicbuter]. Rubina D. Poln. sobr. rasskazov v odnom tome. Pp. 138–160. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). *Koksinel'* [Koksinel]. Rubina D. Poln. sobr. povestei v odnom tome. Pp. 518–539. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). *Shkola sveta* [The School of Light]. Rubina D. Poln. sobr. povestei v odnom tome. Pp. 685–709. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). *Vo vratakh tvoikh* [In Thy Gates]. Rubina D. Poln. sobr. povestei v odnom tome. Pp. 271–331. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2011). *Vysokaia voda veneciancev* [The High Water of Venetians]. Rubina D. Poln. sobr. povestei v odnom tome. Pp. 400–444. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2012). *Pocherk Leonardo* [The Hand of Leonardo]. 464 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2014). *Russkaia kanarejka. Golos*. [A Russian Canary. The Voice]. 512 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Rubina, D. (2014). *Russkaia kanarejka. Zheltuhin*. [A Russian Canary. Zheltukhin]. 480 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Tlostanova, M. V. (2000). *Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA konca XX veka* [The Problem of Multiculturalism and the USA Literature in the Late 20th Century]. 400 p. Moscow, RAS Institute of World Literature, Heritage. (In Russian)

Tlostanova, M. V. (2004). *Postsovetskaia literatura i estetika transkul'turacii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda* [Post-Soviet Literature and the Aesthetics of Transculturation. Live Nowhen, Write from Nowhere]. 416 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

Ziyatdinova, D. D. (2014). «*Iakovskij kod*» kak *spособ reprezentacii kul'turnoj modeli evrejskoj nacional'noj identichnosti v trilogii D. Rubinoj «Liudi vozduha*» [“Iakovsky Code” as a Means of Representing the Cultural Model of Jewish National Identity in D. Rubina’s Trilogy “The Air People”]. *Izvestiia UrFU. Serii 2: Gumanitarnye nauki*, No. 4 (133), pp. 178–186. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2016
Поступила в редакцию 15.11.2016

Зиятдинова Диана Дамировна,
кандидат филологических наук,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
diana-ziyatdinova@yandex.ru

Ziyatdinova Diana Damirovna,
Ph.D. in Philology,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
diana-ziyatdinova@yandex.ru